
А. В. АЛЕКСЕЕНКО

ОПТИКА ФИЛОСОФСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭКОНОМИКИ

Работа анализирует развитие экономической науки и ее кризис, наметившийся в XX в. Кризис связан с концептуальным разрывом между экономической теорией и реальными повседневными экономическими практиками. Теоретические построения в экономической науке перестали коррелировать с действительностью, утратили предсказательную силу. Целью исследования является поиск оптики, которая позволит разрушить мнимое противоречие и уточнить онтологический статус экономического знания. Проводя параллели с другими науками, можно установить, что подобной оптикой оказывается конструктивизм, позволяющий устранить разрыв между знанием и практикой. Объектом исследования является методология философского конструктивизма и ее применимость к экономике. Предметным полем предстает экономика и особенности ее онтологии. Актуальность работы подтверждается отраженными в работе изменениями в рамках самой экономики и ее теоретического, философского и методологического осмысления. В работе используется конструктивистский подход к выстраиванию исследований экономики. Новизна обеспечивается как малым количеством философских исследований экономики, так и редкостью использования конструктивистского подхода к экономике в русскоязычных научных публикациях.

Ключевые слова: экономика, теория, модель, знание, конструктивизм, сеть, дискурс, практика.

The development of economic science and its crisis in the XX century is analyzed in this work. The crisis is linked to the conceptual gap between theory and actual everyday economic practice. Theoretical constructions in economic science no longer correlate with reality and lost their predictive power. The aim of the research is to find an optics which will allow to destroy the imaginary contradiction and to clarify the ontological status of economic knowledge. Drawing parallels with other sciences, it is possible to establish that such optics are constructivism that allows to eliminate the gap between knowledge and practice. The object of research is methodology of philosophical constructivism and its applicability to economics. The subject field is economics and peculiari-

ties of its ontology. Relevance of the work is confirmed by the changes in economics itself and its theoretical, philosophical and methodological comprehension reflected in the work. The work uses a constructivist approach to the construction of economic research. The novelty is provided by both a small number of philosophical studies of economics and the rarity of using a constructivist approach to economics in Russian-language scientific publications.

Keywords: *economics, theory, model, knowledge, constructivism, network, discourse, practice.*

Введение

Экономика как научная дисциплина в своей истории проходила несколько стадий развития. От ранних теорий, опирающихся на интуицию естественности экономических процессов, до современного состояния, в значительной степени рассматривающего эти процессы как конструктивные и производные от различных институциональных структур. Вопрос о предмете экономики является дискуссионным до сих пор. Подробный обзор изменений, коснувшихся экономики и ее методов, приводит, например, М. Блауг в своей работе «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» [Блауг 2004].

В числе таковых он особенно подчеркивает утрату экономической наукой способности предсказывать, усложнение теоретического аппарата, разрыв между теорией и непосредственной практикой. Дискуссионным остается и вопрос предмета экономики, выделяются марксистский, субъективно-идеалистический, рационалистический, неопозитивистско-эмпирический и другие подходы [Литвинов 2012: 23].

На первом этапе развития в XVIII–XIX вв., как любая строгая наука, экономическая наука имела конкретно очерченное предметное поле, в которое входили земля, капитал, финансы, биржи, ресурсы и т. п. Аналогичным образом мы можем характеризовать физику как науку о физическом мире. Однако проблемой будет являться сама сущностная характеристика этого физического мира. Историю физики, как и любой другой науки, можно рассматривать как борьбу различных точек зрения на ее предмет – например, как противостояние реализма и конструктивизма. Если на заре своей истории физика формировалась как знание о непосредственно данном, осязаемом, противопоставляемом метафизике, то по мере развития она оказалась обогащена сложными теоретическими объектами, которые уже никак не могли непосредственно обнаруживать-

ся в опыте, быть схвачены исключительно эмпирическими методами. Таким образом, физика больше не оказывается наукой о том, что непосредственно нас окружает, а физический мир как предмет науки все больше удаляется от мира повседневного опыта. В частности, так характеризует ситуацию в современной физике М. А. Липкин: «Конструктивисты утверждают, что ученые занимаются изобретениями (частиц, полей, ..., служащих априорными формами), а отбор теорий производится по тому или иному критерию эффективности. Конструктивистам противостоят реалисты, утверждающие, что ученые занимаются открытиями того, что существует в природе независимо от человека, и отбор теорий производится по критерию истинности как соответствия факту» [Липкин 2014: 42].

Развитие экономической науки: конструирование «экономической реальности»

Схожие процессы и позиции мы можем обнаружить и рассматривая экономическую науку. На первый взгляд, она не работает с настолько концептуально сложными сущностями, как, например, современная теоретическая физика, и отталкивается от вопросов ведения хозяйства, систем производства и механизмов потребления. В повседневной практике нам сложно не верить в объективность и независимость существования экономических процессов. Мы все вступаем в товарно-денежные отношения, остро переживаем нехватку средств или, наоборот, «материальность» благ, которые мы получаем, живя в достатке. Поэтому на протяжении долгого времени экономику воспринимали как науку о материальном и существующем вполне независимо от исследователя, приблизительно так же, как и предметы классической физики: «В целом же в XVIII – первой половине XIX в. все определения предмета “политической экономии” и сам этот термин, так или иначе, отсылали к идее “естественного порядка/закона” – установленного самой природой устройства общества, – который понимался как проекция понятия “закона Природы” в общественных науках. Кроме того, объект политической экономии имел материальную форму (земля, богатство, ресурсы государства, средства существования), то есть был тесно связан с идеей материального благосостояния и мыслился в той или иной мере как “получаемый от Природы”» [Кошовец, Вархотов 2020: 23].

Тем не менее, экономическая наука прошла, по сути, тот же путь, что и физика: от осязаемой реальности к идеальным объек-

там, моделям и теориям высокой степени абстракции. Современные экономические концепты – такие, как цена, спрос, ВВП, инфляция – в меньшей степени идеальны, чем идеальный газ. Торги на бирже и факторы, влияющие на курс валют, точно так же не являются непосредственно данными в опыте, как и объекты теоретической физики. Грубо говоря, их точно так же невозможно увидеть или потрогать руками.

В XXI в. экономические теории достигают чрезвычайно высокой степени абстракции. В них, как и в любой научной теории, появляются в большом количестве идеальные объекты и модели. Теории Л. Тевено, Д. Родрика, А. Орлеана, с одной стороны, предоставляют экономике мощный методологический аппарат, но с другой стороны, по мере пролиферации теоретических подходов и моделей экономических процессов связь, соединяющая экономическую теорию с якобы имеющимся «реальным положением дел», становится все более сложной. Марк Блауг описывает кризисные процессы, начавшиеся в экономической науке во второй половине XX в.: «1960-е гг. были десятилетием, когда общественный авторитет экономической науки и профессиональная эйфория экономистов достигли абсолютного пика. С другой стороны, в 1970-е гг. в полный голос заговорили о “кризисе”, “революции” и “контрреволюции”, и это иногда превращалось в настоящую оргию самокритики со стороны некоторых ведущих представителей экономической профессии» [Блауг 2004: 357]. Разность в описании, казалось бы, одних и тех же процессов, разность языка экономической теории заставляет задуматься о том, с чем же экономисты работают в действительности, какова природа экономического знания.

Одновременно с этими болезненными вопросами встает и вопрос практической применимости экономического знания. В качестве теоретической дисциплины экономика стала явным образом отрываться от эмпирики, от конкретных финансово-хозяйственных практик. Реальное «хозяйство» как будто бы порывает с объясняющими его моделями и наоборот. Помимо прочего, экономическая теория далеко не всегда оказывается способной к эффективному предсказанию, что считается важной характеристикой научного знания. На это указывает, например, А. Л. Никифоров, рассматривая необходимые признаки научной теории: «Второе: новая теория должна быть независимо проверяема. Это означает, что наряду с объяснением известных фактов новая теория должна иметь новые

и проверяемые следствия (предпочтительно следствия нового рода), вести к предсказанию новых явлений» [Никифоров 1998: 74].

Научная теория должна не просто объяснить что-то на основе имеющихся фактов, но и на основе этих же фактов и закономерностей предсказать дальнейшее развитие событий. Как, например, периодическая таблица элементов Менделеева просто ждет, когда будут открыты новые химические элементы с уже описанными в ней характеристиками. Соответственно, если экономическая наука оказывается неспособной выполнять данную прогностическую функцию, это разрывает ее отношения с реальной практикой, так как на ее положения становится затруднительным опираться в реальной деятельности.

В своей работе «Методология экономической науки» Марк Блауг, описывая актуальную на момент ситуацию в методологии экономики, тоже подчеркивает разрыв между экономической теорией и практикой. Доминирующей в методологии экономики установкой он называет ориентацию только лишь на возможную применимость для какой-либо предполагаемой практической ситуации, но на первый план выходят стройность и элегантность теоретического построения. Как пишет Блауг, «доминирующая методологическая установка не только крайне благоприятствует господствующей экономической теории, она также крайне либеральна в пределах “правил игры”: допустима почти любая модель, если она тщательно сформулирована, элегантно построена и обладает потенциальной релевантностью по отношению к реальным ситуациям» [Блауг 2004: 188].

Подобные кризисы переживали, пожалуй, все науки. Этот процесс можно рассматривать как постепенный переход к новому пониманию научности, когда наука эссенциально начинает опираться исключительно на себя. Некоторые исследователи, например Блауг, отмечают, что на первый план выходит не обеспечение надежной корреляции с действительностью, а выстраивание внутренней корреляции между собственно научными пропозициями в рамках теории. Понятно, что подобный взгляд возможен, если мы вообще считаем возможным отказаться от необходимости такой корреляции с действительностью.

Разумеется, принципиальный отказ от реализма не может быть артикулирован в качестве собственной осознанной позиции научного сообщества, хотя бы уже потому, что это обесценивает научную деятельность для общества и ставит под вопрос возмож-

ность ее социального воспроизводства (общество попросту не будет финансировать ученых). Однако в данном случае важно не то, каких взглядов придерживаются сами ученые, а те эффекты, которые явно или неявно производит научная деятельность. Если во главу угла ставятся непротиворечивость пропозиций, стройность теории, то обозначается разрыв между макроэкономической и микроэкономической сферой, можно зафиксировать новый этап в развитии экономической теории. Д. Родрик в своей работе «Парадокс глобализации. Демократия и будущее мировой экономики» отмечает, что глобальная экономика и представления о ней начинают противоречить интересам и методам локальных экономик отдельных государств и предприятий [Родрик 2014]. Такая позиция может не поддерживаться ни самими учеными-экономистами, ни некоторыми философами-методологами. Однако сила подобной конструктивистской позиции будет заключаться в том, что утверждение о наличии какой-то особой экономической действительности не может быть верифицировано, эта действительность недоступна, однако если наша теория имеет предсказательную силу и эффективна на практике – это значит, что она успешна, независимо от степени приближения к некоей действительности.

При взгляде на современную экономическую науку, которая, в отличие от классических трактовок, даже не претендует на работу с чем-то «естественно данным непосредственно от природы», мы видим лишь совокупность научных пропозиций в рамках теорий, и нам это достаточно в той степени, в какой теория соответствует нашим практическим интересам. Поворотной точкой здесь является то, что сомнению не подлежит особая реальность научных теоретических построений, в то время как изначально экономическая наука работала с якобы непосредственной эмпирической реальностью: «Имея дело с теорией, нивелирующей интерес к реальному миру и вырожденной в абстрактные математические модели с формальными онтологиями, экономисты не могли не задуматься о целях своей деятельности и о статусе своих результатов» [Кошовец, Вархотов 2020: 37].

Сопутствующим процессом является и усложнение языка теории. Необходимость работы со множеством числовых показателей ввиду многих факторов заставляет ученых усложнять символический, терминологический и методологический аппарат теории. Эти общие для всех естественных наук процессы поставили перед философией и методологией науки новые вопросы. Попытками ответа

на них являлись и концепция конвенционализма А. Пуанкаре, где не ставится под сомнение объективность фактов, но конвенция будет заключаться в том, какие именно факты мы отмечаем как значимые и каким образом их фиксируем [Пуанкаре 1983: 290–291], и концепция методологического анархизма П. Фейерабенда, который описывает науку как «наиболее агрессивный и наиболее догматический религиозный институт», специфическую реальность которого мы принимаем на веру [Фейерабэнд 2007: 36].

Среди исследователей методологии экономики подобных взглядов придерживается Д. Родрик, который считает, что способы существования локальных национальных рынков входят в противоречие с представлениями о способах функционирования глобальной экономики [Родрик 2014].

Наметившийся разрыв между теорией и практикой и связанные с этим проблемы научной методологии подчеркивают в своей работе, посвященной истории современного состояния методологии экономической науки, О. Б. Кошовец и Т. А. Вархотов: «Несмотря на довольно индифферентное отношение мейнстрима и к “маргинальным” направлениям, в том числе к “критическому реализму”, и к их критике в адрес господствующей в экономической науке парадигмы, растет обеспокоенность по поводу расхождений между теоретическими моделями и экономической действительностью, проявляющихся на практике» [Кошовец, Вархотов 2016: 127].

Наука так или иначе работает и производит определенные эффекты, затрагивающие пространство нашего жизненного мира, хотя бы по той причине, что она в этот мир встроена. В конце концов, наука делается людьми. Несмотря на отвлеченность понятий «девальвация», «инфляция», «внутренний валовой продукт» и им подобных, мы не можем сказать, что не чувствуем того, как они работают. Исходя из повседневного социального опыта, мы знаем, что меняется цена на морковь, понимаем, что инфляция атакует наши зарплаты, и даже криптовалюты, оседающие на электронных кошельках путем сложных технических манипуляций, мистическим образом конвертируются в привычные и полезные в повседневной жизни деньги. Сами по себе деньги тоже имеют сугубо символическое значение, но эти символические значения позволяют людям удовлетворять физиологические потребности. Таким образом, неправильно будет говорить о некоем производстве учеными дискурса исключительно для ученых. Этот момент особенно подчеркивается Дж. Ло в его работе «После метода»: «Подобная манера выра-

жения предполагает, что наука – это литературное упражнение. Она имеет дело с судьбой утверждений, взаимодействующих друг с другом. Это не совсем ошибочно, но может и ввести в заблуждение, так как важно, что наука – это не просто литературное упражнение. Естественные (и социальные) науки работают с высказываниями определенного происхождения. То есть утверждения не парят в воздухе и не падают с неба. Они откуда-то появляются» [Ло 2015: 64].

Соответственно, нашей задачей становится уточнение характера этого дискурса, потому что научные практики, во-первых, безусловно, дискурсивны, особым образом упорядочены, во-вторых, этот дискурс имеет собственную специфику, так как оперирует особыми категориями, такими как «гипотеза», «теория», «метод». Также важно понять, какой онтологический характер имеет предметное поле экономики, потому что оно также специфично, состоит из экономических сущностей, таких как «рынок», «финансы», «ВВП» и т. п., которые не являются сущностями физическими, биологическими и т. п. Очевидно, что мы можем поставить вопрос о специфической «экономической реальности», которая как-то встроена в «реальность» в широком смысле этого слова (в том числе в нашу повседневность), но в то же время является особой реальностью, в значительной мере конструируемой самой экономической наукой.

Конструктивистская оптика рассмотрения экономики

Обратимся к проведенному Яном Хакингом анализу открытия эффекта Холла. Американский физик Эдвин Холл открыл, что прохождение тока через золотой лист создает разность потенциалов на прямой, которая перпендикулярна вектору напряженности магнитного поля и току. Обычная точка зрения говорит нам, что Холл что-то открыл, то есть нашел что-то, существовавшее до и независимо от его собственных усилий. Он не создавал эффекта, названного его именем, но зафиксировал его с помощью различных правильно настроенных приборов, провел серию проверок и записал. Затем Холл организовал несколько серий экспериментов, меняя заданные условия. Таким образом, за ним закрепился статус человека, открывшего данный эффект. Явление существовало и до Холла, а он только его обнаружил. Любые будущие открытия воспринимаются подобным образом. Отсюда, например, предвкусение открытия бозона Хиггса, темной материи и других физических

объектов, которые просто обязаны существовать и ждут не дожидаясь первопроходцев-ученых, – в этих ожиданиях будущих открытий реализуется, кстати говоря, упомянутая выше предсказательная функция науки. Такой подход характерен для традиционного видения научной теории, заложенного в позитивизме: наши знания являются репрезентацией, оформляющей опыт, и обратного влияния на содержание опыта она не оказывает. Мы выводим законы, которые носят истинностный характер, оцениваются в терминах соответствия. Если есть такая корреляция теории и фактического положения дел, то те элементы теории, для которых еще не найдены эмпирические эквиваленты, обязательно обретут их с течением времени. Теория очерчивает контуры реальности, даже если сама эта реальность (опыт) оказывается пока недоступной. Хакинг подчеркивает: «Я же, напротив, полагаю, что эффект Холла не существует вне аппаратуры определенного типа. Ее современный эквивалент стал технологией, производимой надежным и единообразным способом. Эффект, по крайней мере, в чистом состоянии, может быть реализован только в подобных приборах» [Хакинг 1998: 234].

Хакинг, с одной стороны, не отрицает, что в природе существуют какие-то явления, которые объясняются с помощью эффекта Холла, тесно с ним связаны, с другой стороны, сам эффект Холла возможен только в условиях лаборатории, только как результат взаимодействия с приборами, как записанный особым языком феномен. После того как мы произвели, сконструировали то, что называем эффектом Холла, мы переносим это знание на внешний мир. И уже этот мир рассматривается через призму полученного нами в лаборатории знания. Хакинг отмечает: «Это описание говорит о том, как мы анализируем сложные явления. Не стоит представлять себе, будто Бог запускает эффект Холла левой рукой, некий другой эффект – правой рукой, а затем определяет результат. В природе просто имеется сложность, которую мы можем удивительным образом анализировать. Мы делаем это, различая в уме большое количество различных законов. Мы делаем это, наблюдая в лаборатории чистые, изолированные явления» [Там же: 234–235].

Таким образом, мы не можем говорить о том, что наука совсем оторвана от реальности. Ученый работает с некими феноменами, которые так или иначе с этой реальностью связаны, но эта реальность сама по себе остается непрозрачной, потому что сразу же интерпретируется, социализируется, переводится в язык символов

и знаков, превращаясь в научный объект. Организацию подобной реальности рассматривает Б. Латур. «Что такое “сеть”, термин, которым Латур обозначает теперь нового мощного агента действия? Сети, соревнующиеся в производстве научных фактов и таким образом преобразующие реальность, могут состоять из разных элементов – по Латуру, туда входят и люди, и теоремы, и микробы, и финансы. Это – некоторая ассоциация или сборка элементов, про которые бесполезно спрашивать, чего в ней больше – человеческого или нечеловеческого» [Волков, Хархордин 2008: 249].

В свою очередь сетки таких научных объектов уже сами становятся оптикой, с помощью которой мы собираем действительность. Реальностью оказывается не та «вещь в себе», которая предпосылает изучаемые явления, а та, которую наука собирает из результатов своей деятельности. Если эффект Холла найден в лаборатории, то эффект Холла оказывается и в природе. Теоретический объект «бозон Хиггса» становится неотъемлемым элементом действительности. Дело в том, что, будучи «обнаруженным» в лаборатории, эффект Холла начинает «обнаруживаться» и в реальности. Лабораторные условия позволяют вычленивать, схватить элемент действительности, приручить его, тогда как в «природе» сделать подобное невозможно. Зато будучи пойманным, такой элемент признается реальным, неотделимым от окружающей нас действительности. Выделенный в химической лаборатории элемент получает право на жизнь и оказывается упакован теперь уже в состав «природных» объектов.

Такой переход от знания к социальным конструктам описывает К. Кнорр-Цетина: «Традиционное определение “общества знания” ставит акцент на втором слове – на знании, рассматриваемом как специфический продукт. Определение, которое отстаиваем мы, акцентирует слово “общество” – общество, которое сейчас находится, скорее, внутри процессов знания, чем снаружи. В постсоциальном обществе знания взаимоисключающие определения процессов познания и социальных процессов больше не могут рассматриваться как теоретически адекватные; необходимо учитывать те способы, которыми знание конституирует социальные отношения» [Кнорр-Цетина 2002: 109].

Все вышеописанное является конструктивистской оптикой рассмотрения науки: «Термин “конструктивизм” (constructivism) утвердился в гуманитарных науках в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. для обозначения обширной и довольно разнородной группы

течений в различных дисциплинах, общими для которых являются методологический тезис о центральном значении деятельности человеческих коллективов в формировании представлений о реальности и скептическая позиция в отношении онтологии и классической гносеологии» [Вархотов 2006: 1]. Подобная конструктивистская оптика подходит и для разрешения проблем, связанных с эпистемологией экономики.

С одной стороны, используя риторику социологии знания, экономика как наука вырастает из набора циркулирующих в обществе социальных практик, тех самых денежных отношений, биржевой торговли, имущественных сделок, выпуска ассигнаций. Экономическая наука наблюдает за ними, анализирует, является их производной. С другой стороны, чем дальше идет развитие науки, тем более очевидным становится тот факт, что знание само формирует свой предмет. Усложнение экономического знания, концептуальная сложность его терминологического аппарата, непрозрачность экономических процессов, постулируемая экономической теорией, делают саму экономику сложнее.

Таким образом, экономика оказывается неотделима от знания об экономике. Экономисты и философы экономики создают экономику, а социальные практики вынуждены трансформироваться в условиях нового знания. Например, Дж. Скотт в своей работе «Благими намерениями государства» описывает процесс «планирования для абстрактных граждан». Эти стратегии, предложенные, например, В. Ратенау и Дж. Ньерере, предполагали организацию хозяйственной модели, основываясь на определенных теоретических представлениях. При этом «граждане», существовавшие в рамках этих построений, в действительности не существовали. Тем не менее, уже существующим реальным гражданам приходится вписываться в новую «реальность», устраняя наметившийся разрыв [Скотт 2005: 550–551].

Разумеется, речь идет не о произволе ученых (или, что более правдоподобно, представителей административно-управленческой элиты) в отношении социальной (в данном случае – экономической) структуры. Скорее стоит говорить о взаимном влиянии. Встраиваясь в уже существующие рамки научных практик, завися от их структуры, ученый своей деятельностью, в свою очередь, влияет на трансформации в структуре научного процесса. Подобное же взаимное влияние существует и между наукой и «реальностью», которую она «описывает». Поскольку наука не способна

описать реальность саму по себе, хотя и претендует на это, подобное «описание» на самом деле является производством реальности. Негомогенность, фрагментированность экономических теорий и подходов позволяет обнаружить несколько экономических картин мира (например, марксизм и кейнсианство), которые, тем не менее, могут эффективно применяться на практике. Это может указывать на то, что экономист не открывает что-то, содержащееся в реальности непосредственно, а конструирует новые объекты и процессы, которые становятся элементами этой сконструированной экономической реальности.

Зона напряжения между повседневными экономическими практиками и экономической наукой оказывается не разрывом, а отношением взаимопорождения. Если традиционный взгляд на экономику говорит нам о том, что именно экономическая наука должна поспевать за реальными экономическими практиками, которые, усложняясь, делают задачи теоретизации, объяснения и предсказания все сложнее, и в этом отношении может сложиться впечатление, что экономическая теория не справляется и погружается в кризис, то конструктивистская оптика позволяет посмотреть на ситуацию иначе: именно человеческие повседневные практики догоняют все усложняющуюся теорию, и именно поэтому экономика как наука может плохо объяснять наличное, плохо предсказывать, потому что это наличное еще не стало таковым, но станет в силу того, что об этом нам говорит экономическая теория.

Разумеется, речь не идет о полной независимости от реальности как таковой, однако в терминологии Э. фон Глазерсфельда реальность, предстающая перед индивидом в качестве бесформенного потока, обрабатывается им в реальность сконструированную. Он делает вывод: «Это значит, что “реальный” мир обнаруживает себя исключительно в том месте, где наши конструкции терпят неудачу. Поскольку все неудачи описываются и объясняются нами исключительно в тех же понятиях, которые мы использовали при конструировании разрушившейся структуры, никакие препятствия на нашем пути никоим образом не могут передавать ту или иную картину мира, который в противном случае мы могли бы сделать ответственным за неудачу» [Глазерсфельд 2001: 80].

Б. Латур описывает взаимоотношение «действительности» и науки в подобном же ключе: «Подобная ситуация создает довольно забавный баланс: погода оценивается и определяется всеми людьми на земле, а небольшое количество метеорологов порождает

лишь несколько отдельных утверждений, которые, на фоне множества других, всерьез воспринимаются только в отдельных областях общественной жизни – в армии, на воздушном и водном транспорте, в сельском хозяйстве, туризме. Тем не менее, если положить на одну чашу весов все, что говорится в мире о погоде, а на другую – немногочисленные утверждения метеорологов, большим весом будут обладать именно последние» [Латур 2014: 285].

На примере экономической науки это видно особенно ярко, ведь экономические теоретические модели действительно часто стараются реализовать на практике. Любое государственное управление невозможно без экономической стратегии, под которую подводится теоретический базис, или, наоборот, теоретический базис побуждает прибегать к определенным эмпирическим стратегиям, задействовать определенный инструментарий. Экономика Советского Союза была построена на принципах, отличных от принципов американской экономики, одновременно отличались и экономические теории в этих странах.

Заключение

Проводя параллели с другими естественными науками, например с физикой, можно заметить сходства в их развитии, выражающиеся в постулируемой естественности их предмета в начале развития дисциплины и последующем разрыве теории с практикой. Таким образом, проблематизируется та реальность, с которой работает наука. Однако конструктивистская оптика позволяет рассматривать подобную ситуацию не как разрыв, а как момент взаимопорождения реальности как она есть и реальности научной, где научные практики, нацеленные на исследование первой, в действительности производят вторую, которая и становится, в свою очередь, той реальностью самой по себе. Несмотря на то что подобным образом можно характеризовать все естественные науки, экономика имеет свои специфические черты, начиная от собственного предметного поля и заканчивая ее глубокой связью с вопросами государственного управления и повседневной практикой. Таким образом, конструктивистский подход оказывается очень продуктивным при рассмотрении истории развития экономической науки.

Литература

Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М. : Вопросы экономики, 2004.

Вархотов Т. А. Конструктивистская программа в философии науки // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2006.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2001. № 4. С. 59–81.

Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1. С. 101–124.

Кошовец О. Б., Вархотов Т. А. Эксперименты без материи: модели в теоретической экономике // Эпистемология & философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 124–139.

Кошовец О. Б., Вархотов Т. А. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами природы // Логос. 2020. № 3(136). С. 21–54.

Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014.

Липкин А. И. Основания физики: Взгляд из теоретической физики. М. : ЛЕНАНД, 2014.

Литвинов Д. А. К вопросу о методологических подходах к определению предмета экономической теории // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2012. № 1. С. 23–27.

Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология: уч. пособ. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998.

Пуанкаре А. О науке. М. : Наука, 1983.

Родрик Д. Парадокс глобализации. Демократия и будущее мировой экономики. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. М. : Университетская книга, 2005.

Фейерабенд П. Против метода. М. : АСТ, 2007.

Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М. : Логос, 1998.